

Стойка всадника длилась уже добрый час.

Небо на востоке подернулось бледной предрассветной синевой, и из-за горизонта медленно выкатилось солнце.

— На сегодня хватит, — произнес Бянь Му, глядя на то, как Юйчи Ган мелко и неудержимо дрожит в коленях. В его голосе проскользнула едва заметная жалость.

Юйчи Ган лишь крепче стиснул зубы. Напряженные мышцы сводило судорогой, но он упрямо держал стойку, не желая сдаваться первым.

Лишь услышав окончательный приказ Бянь Му, он попытался выпрямиться. Но стоило ему сдвинуть затекшие ноги, как колени подкосились, точно подрезанные. Земля ушла из-под ног. Ган уже приготовился к жесткому удару о каменные плиты, как вдруг почувствовал, что его подхватили под мышки сильные руки.

Это был Бянь Му.

Он бесшумно вырос за спиной юноши и успел поймать его у самого пола, легко, словно пушинку, подняв на руки.

— И с таким хлипким телом ты еще лезешь в боевые искусства? — проворчал Бянь Му, неся его к дому.

Юйчи Ган уткнулся лицом в его широкую грудь и промолчал. Тот был прав: тело его пока оставалось слишком слабым и хрупким.

— Коли хочешь постичь воинское дело, не спеши, — добавил Бянь Му, бережно опуская его в глубокое кресло.

Кресло уже придвинули к обеденному столу, ломившемуся от горячих кушаний.

— Ваше Высочество, вы каждое утро так пируете? — удивленно вытаращился Юйчи Ган.

Это был их первый совместный завтрак в поместье принца Луаня. В прошлые дни слуги приносили еду прямо в его комнату, но те порции и близко не стояли с этим изобилием.

Бянь Му покосился на ошеломленного юношу и едва заметно усмехнулся, опустив глаза. На самом деле принц никогда не отличался тягой к роскоши: обычно его утренняя трапеза состояла из чашки жидкой рисовой каши и пары простых закусок, а порой он и вовсе обходился без завтрака. Весь этот пир был приготовлен по его личному особому распоряжению.

— Ешь, — сухо бросил Бянь Му, вновь принимая свое обычное бесстрастное выражение лица.

— Тогда я не стану скромничать! — радостно отозвался Юйчи Ган и тут же принялся за еду.

Упражнения вымотали его до предела. Да, он привык к изнурительным танцевальным тренировкам, но воинская дисциплина требовала совершенно иных усилий. В животе у него давно уже ураганно урчало.

Пока они с аппетитом уничтожали завтрак, со двора донесся шум голосов. Сквозь общий гул отчетливо различались визгливый тон госпожи У и капризный голосок Шэнь Хэ.

— Впусти их, — велел Бянь Му слуге.

Обе женщины в сопровождении трех служанок затеяли перепалку со стражей у самых дверей его личных покоев.

— Ваше Высочество, до меня дошли слухи, будто вы приютили у себя безродного комедианта? — заговорила госпожа У, едва переступив порог. Ее голос, как всегда, так и брызгал ядом, отчего у Бянь Му мгновенно заболели виски. — И с каких это пор у вас появились подобные... пристрастия, племянник?

— Мои дела тётушку никак не касаются, — холодно отрезал Бянь Му, глядя прямо на нее.

Юйчи Ган заметил в его взгляде опасный, ледяной блеск — предвестник скорой расправы.

— Так одолжите мне этого шута на пару дней? — ничуть не смутилась госпожа У. — Наша старшая госпожа наконец понесла плод, и мне хотелось бы порадовать ее, добавить веселья в наш унылый двор.

С этими словами она бесцеремонно вытолкнула вперед Шэнь Хэ. Та выглядела бледной и хрупкой, ее бережно поддерживала под локоть служанка. Никаких внешних признаков беременности у нее еще не было, но вела она себя так, словно вот-вот упадет от дуновения ветра.

Бянь Му даже не удостоил их ответом. Повернувшись к своему телохранителю, он бросил:

— Ча Су. Выпроводи гостей.

— Госпожа У, прошу на выход, — шагнул вперед Ча Су.

Он прекрасно знал, что добром эта женщина не уйдет, а потому демонстративно положил

ладонь на рукоять висящей на поясе сабли.

Госпожа У злобно зыркнула на воина, затем перевела взгляд на непреклонного принца. Поняв, что тот и пальцем не пошевелит, дабы унять слугу, она поспешно отступила назад, заслоняя собой Шэнь Хэ.

— Му-эр, неужто ты поднимешь руку на собственную невестку? — запричитала она, стараясь скрыть испуг. — Ладно я, простая тётушка, но обращаться так с ней...

Договорить ей не дал тихий, зловещий щелчок — Ча Су чуть выдвинул клинок из ножен. Госпожа У испуганно отшатнулась еще на несколько шагов.

— Тётушка... Пойдемте отсюда, прошу вас, — прошептала Шэнь Хэ, робко дергая ее за рукав. Она расплакалась крупными театральными слезами.

Юйчи Ган невольно хмыкнул про себя. Подобных сцен в актерской среде он навидался на три жизни вперед.

— Ох, Хэ-эр, девочка моя, не бойся, не бойся! — засуетилась госпожа У, торопливо промакивая ее щеки шелковым платком.

— Довольно! Вон отсюда! — рявкнул Бянь Му, резко развернувшись к ним лицом.

Шэнь Хэ испуганно вздрогнула — то ли искренне, то ли притворно — и зарыдала в три ручья.

— Идем, милая, идем, — госпожа У потянула ее к выходу.

Перед тем как переступить порог, она бросила на жующего Юйчи Гана такой яростный взгляд, что тот едва не поперхнулся надкушенной булочкой. Пышный баоцзы выпал у него из рук прямо на стол.

— Что случилось? — спросил Бянь Му, заметив эту неловкость.

— Ваше Высочество, она на меня так злобно посмотрела, — невинным тоном пожаловался Юйчи Ган, указывая пальцем на удаляющуюся спину госпожи У. На его лице было написано само простодушие.

Бянь Му хмыкнул:

— Так сверкни глазами в ответ. У тебя ведь это отлично получается.

Ган удивленно посмотрел на него. Смерив принца недовольным взглядом, он потянулся к упавшей булочке и вознамерился запихнуть ее обратно в рот.

— Эй! Брось это немедленно! — Бянь Му ловко перехватил его руку и швырнул испачканный баоцзы обратно на блюдо, протянув взамен свежий, дышащий паром. — С пола еще начни есть.

Юйчи Ган задумчиво уставился на чистую белую булочку в своей руке.

«Ваше Высочество все так же брезглив и чистоplotен, как и прежде».

В прошлой жизни, когда они жили вместе, Ган постепенно привык к его науке. Но после перерождения, за время, проведенное в Башне Хайхуа, он подзабыл об этих мелочах, вернувшись к привычкам бродячего артиста. Пришла пора восстанавливать былую дисциплину.

— Ваше Высочество! Обещаю, я тоже стану образцом чистоты! — внезапно, во весь голос выпалил он.

Бянь Му, как раз отхлебнувший рисовой каши, от неожиданности поперхнулся и отчаянно закашлялся. Он мгновенно покраснел.

— Ваше Высочество... — виновато пробормотал Юйчи Ган.

— Ешь молча, шут гороховый! Разве утренняя трапеза — время для криков? — прохрипел Бянь Му, утирая губы платком.

Юйчи Ган послушно склонил голову и принялся усердно жевать.

Тем временем в своих покоях Шэнь Хэ крушила все, что попадалось под руку.

— Какая низость! В этом доме у тётушки нет вообще никакого веса! — тяжело дыша, процедила она, опускаясь на стул посреди разгромленной комнаты.

Рядом с ней стояла Цинсюэ, давно привыкшая к подобным вспышкам гнева своей госпожи. Она приехала вместе с ней из поместья Шэнь и знала каждый изгиб ее скверного характера.

— Быстро приберитесь здесь, — велела Цинсюэ служанкам, присланным из поместья принца Луаня. — Не хватало еще, чтобы старший молодой господин вернулся и застал этот погром.

Новые служанки, не привыкшие к подобным капризам, испуганно закивали и торопливо принялись собирать осколки фарфора.

— Госпожа, если позволите высказать мнение... — тихо заговорила Цинсюэ, склонившись к уху Шэнь Хэ. — На госпожу У полагаться нельзя. На вашего супруга — тоже. В этом змеином гнезде вам придется рассчитывать только на собственные силы.

Шэнь Хэ и сама прекрасно это понимала.

Свадьба с Бянь Юем была для нее сущим кошмаром, но выбора у нее не оставалось: она была единственной дочерью Поместья Шэнь. Когда поместье принца Луаня потребовало союза с их семьей, отцу пришлось уступить.

— Кстати, о той девке, которую отец велел отыскать... Есть новости?

— Пока ничего, госпожа.

Перед замужеством Шэнь Хэ случайно подслушала разговор родителей и узнала, что где-то на стороне у ее отца подрастает внебрачная дочь. Жива она или мертва — тайна за семью печатями.

Как единственная законная дочь, купавшаяся в любви двоих старших братьев и младшего братишки, Шэнь Хэ не потерпела бы соперниц. Никто не смел претендовать на то, что принадлежало ей по праву.

Она опустила ладонь на свой еще плоский живот. При мысли о том, что внутри нее зреет дитя от Бянь Юя, ее охватывала глухая ярость. Ей хотелось вытравить этот плод, уничтожить его...

«Но если родится мальчик...»

Она стиснула зубы.

«Пусть это будет мальчик. Только сын даст мне власть в этом проклятом доме».

Что касается госпожи У, то она сразу же распорядилась навести справки о безродном актере.

Сперва она полагала, что это обычный смазливый шут, забава на одну ночь. Однако результаты расследования заставили ее похолодеть от изумления.

Этот безродный паяц оказался потерянным отпрыском благородного Поместья Чжуань.

Дни летели незаметно. Прошло почти три месяца с тех пор, как Юйчи Ган поселился в поместье принца Луаня.

— А ты окреп, — заметил Бянь Му, слегка сжав предплечье юноши, где под кожей уже прощупывались упругие, сухие мышцы.

Юйчи Ган смущенно опустил глаза.

Все эти недели он поднимался на рассвете, в пятую стражу, и изнурял себя базовыми упражнениями.

— Ваше Высочество, когда же вы начнете обучать меня настоящему мастерству?

— Разве то, чем ты занимаешься сейчас, не мастерство? — Бянь Му дружески похлопал его по плечу. — Без крепкой основы любое учение — лишь пустой звон. Чему ты собрался учиться, не умея твердо стоять на ногах?

— Слушаюсь, — тихо вздохнул Ган, вновь опуская голову.

— Чжуань Цзюнь прислала приглашение. Она выходит замуж, — ровным голосом произнес Бянь Му, отворачиваясь к окну.

Юйчи Ган, как раз собиравшийся снова встать в стойку всадника, замер на мгновение, а затем тихо спросил:

— Вы пойдете, Ваше Высочество?

— А ты? — принц ответил вопросом на вопрос.

— Я... пожалуй, останусь, — мягко улыбнулся Ган.

— Почему? Не хочешь повидаться с родными? — Бянь Му резко повернулся к нему.

Юйчи Ган лишь молча и едва заметно покачал головой, сохранив на губах грустную улыбку.

Принц приоткрыл рот, словно хотел возразить, но передумал. Повернувшись, он неторопливо

направился в глубь покоев, бросив на ходу:

— Заходи в дом. На сегодня тренировка окончена.

Весна окончательно вступила в свои права. Деревья во дворе покрылись нежной зеленой дымкой — природа пробуждалась от долгого зимнего сна.

— Отведаешь? Только из печи, — Бянь Му поставил перед ним тарелку с изящными пирожными «Цвет персика».

Юйчи Ган благодарно улыбнулся и взял одно нежное лакомство.

— Вчера обобрали первые бутоны, — тихо добавил принц.

Ган перевел взгляд на окно. Старое персиковое дерево во дворе было живо. Сейчас его ветви сплошь усыпали пышные розовые цветы, источавшие тонкий, сладковатый аромат.

— Ваше Высочество, могу я ненадолго вернуться в Башню Хайхуа? — спросил вдруг Юйчи Ган.

Он внезапно осознал, что за все эти три месяца ни разу не покидал стен поместья принца Луаня, словно добровольный узник.

Бянь Му задумался на мгновение, а затем кивнул:

— Ступай. Я поеду с тобой.

Принц и сам давно там не был. Все это время, свободное от государственных дел, он проводил исключительно подле Гана. Учил его грамоте, показывал, как держать кисть. Юноша оказался поразительно одаренным: ему хватало одного раза, чтобы запомнить начертание сложнейших иероглифов.

Чего Бянь Му не знал, так это того, что Юйчи Ган уже владел этим искусством в совершенстве.

Его научил Бянь Му. В прошлой жизни.

— Накинь, — принц вынес из спальни два плаща — угольно-черный и белоснежный, как первый снег.

Он бережно набросил белый плащ на плечи юноши и аккуратно завязал тесемки.

— Идем, — повязав собственный темный плащ, Бянь Му тепло улыбнулся и протянул ему ладонь.

Юйчи Ган посмотрел на его широкую, теплую ладонь и, улыбнувшись в ответ, крепко сжал ее.

<http://bllate.org/book/20438/2152062>